

КНИГИ МАККАВЕЕВ
(ΤΩΝ ΜΑΚΚΑΒΑΪΚΩΝ ΒΙΒΛΙΩΙ Δ΄) /
ПЕР. С ДР.-ГРЕЧ., ВВЕД. И КОММ.
Н. В. БРАГИНСКОЙ, А. Н. КОВАЛЯ,
А. И. ШМАИНОЙ-
ВЕЛИКАНОВОЙ; ПОД
ОБЩ. РЕД. Н. В. БРАГИНСКОЙ;
НАУЧ. РЕД. М. ТУВАЛЬ.

М.: Мосты культуры/Гешарим, 2014. 632 с.
ISBN 978-593273-375-2

УДК 82-95 (222.9) (22.05)
DOI: 10.31802/2658-4476-2019-2-2-285-294

Данное издание представляет собой новый перевод Четырёх Маккавейских книг. Эти памятники являются важными источниками одного из сложнейшего для иудеев периода Второго Храма. Помимо комментариев, обильно снабжающих перевод, на каждую из книг написаны Введения, в которых произведена попытка прояснить основные исагогические и содержательные вопросы. В конце книги помещаются три Приложения¹, два дополнения (Addenda), Аппендикс, а также «Хронология событий Первой и Второй книг Маккавеев», «Список иллюстраций», указатели имён, географических названий, «имён авторов Нового времени» и источников.

Сразу отметим, что книга снабжена библиографиями, хронологическими таблицами, историческими картами и многочисленными иллюстрациями. Также представляется интересным акцентировать, что сноски написаны на боковых полях страницы как раз напротив референций, а не внизу, как это обычно бывает. При этом комментарии к переводу набраны внизу каждой страницы более мелким кеглем без каких-либо демаркационных линий, что выглядит ненавязчиво и, в то же время, логично и удобно для чтения.

1 1) «Письма пролога. 2 Макк. 1, 1–2, 18» (с. 497–504); 2) «Почитание “мучеников Маккавейских”» (с. 505–525); 3) «Маккаеи в русской традиции» (с. 527–540).

Итак, в Предисловии к книге объясняется её название — Четыре книги Маккавеев². На первый взгляд, отношение этих книг с каноном Священного Писания скорее разъединяет их, чем объединяет. Так, иудеи и протестанты не признают ни одну книгу, католики считают лишь первые две книги девтероканоническими³, а православные христиане — первые три признают неканоническими ветхозаветными писаниями, то есть полезными для учения и наставления. При этом четвертую книгу вообще никто не признаёт. Более того, «хотя они все написаны иудеями и дошли до нас все по-гречески, они различаются по языку оригинала, написаны в разное время и в разных местах» (с. 9). Тем не менее, все четыре книги объединяются общей идеей: «в безвыходной ситуации Бог вмешивается Сам и спасает малого и слабого, который остаётся Ему верен» (там же).

Для того чтобы продемонстрировать то, как авторы рецензируемой книги понимали исследуемые ими источники, приведём пространную цитату из Предисловия, в которой вкратце характеризуется содержание Маккавейских книг:

«Два разных рассказа о восстании Маккавеев в первых двух Маккавейских книгах делают наше видение этих давних событий и более сложным, и более богатым. В целом в Первой книге внимание приковано к судьбе династии Хасмонеев, во Второй — к деяниям Иуды Маккавея и возобновлению богослужения в Храме. Первая книга Маккавеев описывает освободительную войну исторических личностей и реальных героев, во Второй к их героизму прибавляется искупительное мученичество символических персонажей — старца Элеазара, семерых братьев и их матери.

Третья Маккавейская рассказывает о страшных испытаниях библейской веры, попытке истребить всех евреев Египта и о чудесном спасении Богом народа-мученика. Вымышленность этого рассказа уравновешена его пророческим характером: многие детали геноцида, помещённого во времена Птолемея IV, слишком напоминают катастрофу европейского еврейства в середине XX в. Четвёртая Маккавейская — по форме философская диатриба, по содержанию — энкомий мучеников, чей подвиг описан в 6–7 главах Второй Маккавейской, по задаче — апология

2 Подробнее этот вопрос анализируется в первом Введении, которое именуется в целом как «Корпус четырёх книг Маккавеев» (с. 15–44).

3 От лат. *Libri Deuterocanonici* — согласно католической библеистике это богодухновенные книги, как и остальные (протоканонические) писания Ветхого Завета, но не вошедшие в состав иудейского канона (ТаНаХ), тем не менее, находящиеся в Септуагинте.

библейской веры как опоры человеческой жизни, дающей такую стойкость, которая превосходит невозмутимость эллинских философов. От героев, воюющих за народ, и мучеников, искупающих его грехи, чтобы мистическим образом дать силу оружию, к страдающему народу, безоружному и надеющемуся только на обращённую к Богу молитву, народу без героев и, наконец, к подвигу связанных и беспомощных одних только мучеников, без воинов рядом с ними, к победе через гибель за верность Торе — такова траектория четырёх Маккавейских книг» (с. 9–10).

Итак, общая тематика, да и содержание каждой из книг Маккавеев объединяют их и свидетельствуют о специфике тогдашней эпохи, а также являются актуальными, по мнению Н. В. Брагинской, и для более современных событий, касающихся ущемлений еврейского народа.

Одним из важных вопросов, которому справедливо уделено существенное внимание, является следующий: «Что привело к восстанию, и к чему привело восстание?» (с. 60–75). В этом параграфе рассматривается наиболее популярная концепция Маккавейского восстания, заключающаяся в том, что «это был протест евреев против эллинизации, введения чуждых обычаев» (с. 61). Несостоятельность этой теории состоит хотя бы в терминологическом анахронизме. Так, лишь во Второй Маккавейской встречается слово ἑλληνισμός (2 Макк. 4, 13) и ἰουδαϊσμός; при этом само понятие יהדות / *yahādūt* «иудаизм» появляется лишь в Средние века. Так что понятия «эллинизм» и «иудаизм» не были характерными для маккавейской эпохи. При этом во 2 Макк. 4, 13 слово ἑλληνισμός — «это скорее “стиль жизни” в целом, однако это слово не предполагает политеизма эллинов в противоположность монотеизму иудеев или эллинского религиозного культа в противоположность иудейскому богочитанию, и уж конечно не имеет того смысла, который вкладывается вольно или неволью в современный историографический термин “эллинизм”. Чтобы не вносить этих ассоциаций, мы переводим ἑλληνισμός как “эллиństwo»» (с. 63). Учитывая ту же проблематику относительно термина ἰουδαϊσμός — впервые появляется во времена Маккавеев, обозначает религию, обычаи, права, интересы иудеев и т. п., и не имеет ту же смысловую нагрузку, что наше понятие «иудаизм», его предпочли переводить как «иудейство».

Более того, в Первой книге Маккавеев «враги Закона и Храма никогда не называются “эллинами”. Их называют, конечно, язычниками (ἔθνη), отступниками (παράνομοι, букв. “нарушителями Закона”), нечестивцами (ἄσεβεῖς), смутьянами (οἱ ταρασσόντες τὸν λαόν), перебежчиками

(αὐτομολήσαντες), грешниками (ἁμαρτωλοί) и беззаконниками (ἄνομοι)» (Там же). Также важно учитывать, что предводители восстания не чурались греческой культуры как таковой, да и иудеи рассеяния писали по-гречески и сами книги Маккавеев сохранились на этом языке, то нельзя сказать, что восстания представляло собой войну с эллинизмом. Поэтому, основываясь на подробном анализе источников (книги Маккавеев, сочинения Иосифа Флавия и Филона Александрийского) и работ множества современных исследователей, Н. В. Брагинская и её со-авторы склоняются к тому, что это восстание было «протестом против наступления Антиоха Епифана на традиционное богопочитание, чем бы это наступление ни было вызвано» (с. 64), то есть «для авторов и читателей этих книг, не говоря уже об участниках восстания, действия Антиоха Епифана и его чиновников были гонениями на веру Израиля» (с. 75). Так что, согласно им, основой для восстания послужило стремление сохранить иудейскую веру и традиционное почитание Бога, а не иудаизм как культуру. Такое представление кажется небезосновательным.

Интересно также отметить и богословие Третьей книги Маккавеев. Оно является вполне традиционным для Ветхого Завета в целом (Тора как священный Закон, Храм и обычаи предков — священны, Бог — творец и правитель мира, защитник слабых, а страдания Израиля — наказание за грехи народа), несмотря на то, что автором был грекоязычный еврей диаспоры. Более того, в отличие от Второй Маккавейской, здесь нет представлений о бессмертии души или о воскресении, мессианских чаяний, апокалиптики, признаков литературы мудрых или влияния эллинской философии (с. 338).

Тем не менее, встречаются два термина из греческой философии, которые затем были восприняты и многократно осмысленны христианами богословами — *πρόνοια* (3 Макк. 4, 21; 5, 30) и *ἐνέργεια* (3 Макк. 4, 21; 5, 12, 28). Приведём контекстуальный перевод этих понятий, как это сделано в анализируемой нами книге (с. 338–339), т. е. сначала обозначим главы и стихи из 3 Макк., затем приведём оригинальный текст, а после — перевод на русский язык:

4, 21	τοῦτο δὲ ἦν ἐνέργεια τῆς τοῦ βοηθοῦντος τοῖς Ἰουδαίοις ἐξ οὐρανοῦ προνοίας ἀνικίτου	А это была <i>сила</i> непобедимого <i>Промысла</i> Того, Кто с небес помогал иудеям
5, 30	διὰ τὸ περὶ τούτων προνοία θεοῦ διεσκεδάσθαι πᾶν αὐτοῦ τὸ νόημα	благодаря <i>Промыслу</i> Божию весь его (царя) замысел полностью развеялся.

5, 12	κατεσχέθη τῇ ἐνεργείᾳ τοῦ δεσπότου τῆς ἀθέσμου μὲν προθέσεως πολὺ διεσφαλμένος, τοῦ δὲ ἀμεταθέτου λογισμοῦ μεγάλως διεψευσμένος	<i>Силою</i> Владыки сладкий и глубокий сон охватил царя, так что не воплотил он замысла беззаконного и не исполнил решения непреклонного.
5, 28	τοῦτο δὲ ἦν ἡ ἐνέργεια τοῦ πάντα δεσποτεύοντος θεοῦ τῶν πρὶν αὐτῷ μεμηχανημένων λήθην κατὰ διάνοιαν ἐντεθεικότος	А это была та самая <i>сила</i> владычествующего над всем Бога, вложившего в разум царя забвение всего прежде им задуманного.

Как мы видим, слово *πρόνοια* традиционно переводится как «Промысл», поскольку именно так его понимали Платон, стоики (особенно Хрисипп), а Филон Александрийский не только часто его использовал, но и написал специальный трактат о Пронойе (с. 339). Второй термин — *ἐνέργεια* — предпочли перевести как «сила», хотя первичными значениями являются «деятельность, действие» (activity, action)⁴. Вот как характеризуется это понятие, впрочем, как и *πρόνοια* в третьем Введении:

«...в пределах Греческой Библии, если не принимать во внимание НЗ⁵, 3 Макк. с этими двумя терминами оказывается “в компании” прежде всего Премудрости Соломона, автора которой считают иногда даже другом и собеседником Филона, а кроме того, ещё в двух важных контекстах: 2 Макк. и Дан.

“Энергия” обозначает в Премудрости космическую силу, например энергию стихий (элементов космоса), 7, 17 и 13, 4, откуда один шаг до их персонификации, что и происходит в литературе мистической (ср.: Деяния Иоанна, 98.18 Bonnet). Но в Премудрости Соломона и в 2 и 3 Макк. речь идёт в основном об “энергии” Бога... Энергия Бога — это Его чудесное или даже “повседневное” вмешательство в человеческую жизнь... Никакого древнееврейского слова за этим термином не стоит» (там же).

4 См., например: The Online Liddell-Scott-Jones Greek-English Lexicon. URL: <http://stephanus.tlg.uci.edu/lsg/#context=lsj&eid=36500>. P. 564.

5 Здесь и далее авторы работы о Четырёх книгах Маккавеев используют это сокращение для обозначения Нового Завета.

Таким образом, остаётся всё же непонятным, почему слово ἐνέργεια переводится как «сила», ведь понимание его вполне адекватно этимологии и узуальному аспекту. Однако такой перевод обусловлен, очевидно, теми установками, которые специально обозначены в первом Введении. Прежде всего, отмечается, что «переводы четырёх книг следуют не одним и тем же принципам» (с. 19). Это обусловлено тем, что перевод Первой Маккавейской ориентирован на утраченный семитский оригинал. В силу этого «переводчики попытались передать или, во всяком случае, не полностью затушевать переводной характер текста, его неловкость, буквализмы и даже ошибки. Не все гебраизмы, конечно, можно передать... Создать намеренно неуклюжий текст не очень просто, хотя немало неловкостей, вероятно, появилось в нашем переводе “естественным” образом. Мы позволили себе иногда пользоваться просторечными оборотами как стилистическим аналогом не самого отшлифованного стиля греческого текста» (там же). Перевод Второй книги Маккавеев выполнялся сравнительно легко (за исключением Письма из пролога, написанного изначально на семитском языке), поскольку автор был литературно образованным и хорошо владел тогдашним греческим языком. Перевод Третьей Маккавейской осложнялся пафосом и наивностью автора, стремившегося сочетать стилистику греческих трагиков с драматизмом библейского повествования. Четвёртая же книга перегружена риторическими образами, а также многочисленными философскими понятиями, что требовало постоянно следить за единством терминологии при переводе⁶. Так что, перевод ἐνέργεια выполнен творчески и в соответствии с особенностью языка и стиля 3 Макк.

Обсудив некоторые принципы и сложности перевода, обратимся к сравнению учения стоиков и Четвёртой книги Маккавеев о природе. Для стоиков природа представлялась превосходящей все законы племён и народов, как общее и универсальное возвышается над частным. Поэтому так необходимо исполнять именно законы природы, предпочитая их народным обычаям. Более того, Антиох Епифан утверждал, что иудейская религия в принципе не даёт возможности быть философом: «...не думаю, что ты способен философствовать, оставаясь

6 См. подробнее об особенностях перевода четырёх книг Маккавеев: Книги Маккавеев (τῶν Μακκαβαϊκῶν βιβλίοι δ') / пер. с др.-греч., введ. и комм. Н. В. Брагинской, А. Н. Ковалёва, А. И. Шмаиной-Великановой; под общ. ред. Н. В. Брагинской; науч. ред. М. Туваль. М., 2014. С. 19–21.

привержен обрядам иудеев» (4 Макк. 5, 7)⁷. И хотя автор 4 Макк. доказывает, что Закон Моисеев божественный, а не человеческий, а потому и универсален, но «главный ответ содержится не в авторской речи, а в речах самих мучеников. Элеазар отвечает, что природа не высший авторитет: Кто сотворил природу и дал ей порядок, есть Тот же, Кто дал Тору людям (ср.: 5, 23–24). Природа не может иметь закона, если он ей не был дан. Тора поэтому более надёжный путь к добродетели, она исходит от самого Законодателя природы» (с. 411). Далее, как отмечают исследователи, философы считали братскую дружбу примером самой сильной привязанности, а материнская любовь по праву считалась самой «природной». И вот пример Маккавейских мучеников продемонстрировал превосходство Закона над природой, поскольку «природа не способна научить добродетели так, чтобы разум победил братскую привязанность или родительскую любовь и предпочёл им добродетель, поэтому Тора, которая этому научить может, выше всех глубокомысленных наставлений язычников. Разум и Закон сущностно и изначально находятся в согласии, но если кажется, что они входят в противоречие друг с другом, то разум подчиняется Закону, предпочитает его себе, в этом автор близок Филону» (с. 412).

Ещё одним интересным и, в то же время небесспорным является следующий параграф: «Четвёртая книга Маккавеев как иудейский контекст Нового Завета» (с. 414–415). Опираясь на мнение исследователей, авторы рецензируемой книги пишут, что датировка происхождения Четвёртой Маккавейской остаётся неопределённой: 1) между 18 и 35 г. по Р. Х.; 2) до 72 г., но после разрушения Храма; 3) ещё позже; в целом можно считать, что она была написана в середине I в. (с. 414). Если даже оставить датировку неопределённой, всё равно авторы параграфа считают, что «когда обнаруживаются пересечения НЗ с 4 Макк., последняя книга ценна для понимания окружения НЗ, но и НЗ — для изучения иудаизма этого периода. При этом нет нужды ставить 4 Макк. в отношении прямой литературной зависимости от НЗ или предполагать, как А. Deissmann (1900), что Павел знал 4 Макк. как современный ему “бестселлер”, хотя именно сочинения Павла, Послания⁸ к Римлянам, Послания к Галатам, а также Пастырские послания и др. обнаруживают более всего терминологической, тематической и даже идейной близости» (с. 414–415).

7 Цит. по: Там же. С. 411.

8 Невозможно согласиться с автором слов, поскольку к Римлянам, как впрочем и к Галатам, было написано одно послание, а не хотя бы два, чтобы можно было писать о Посланиях к Римлянам или к Галатам.

При этом на уровне идей исследователи обнаруживают следующую контроверзу: «иудействующие» христиане, как и герои 4 Макк., отстаивали Тору, Закон, как непреложный путь к добродетели (Гал. 2, 21; 3, 21), апостол Павел же утверждал веру во Христа выше Торы и считал, что не Закон позволяет побороть страсти, но Дух (Гал. 5, 16–17). Более того, апостол Павел считает сам Закон виновником греха:

«Для автора 4 Макк. это требование (“не пожелай жены ближнего своего”. — *диак. Н. Ш.*) означает, что Бог не оставил благочестивый разум без средств соблюдать его заповеди и избирать праведность (2, 4–6). Павел же считает заповедь как таковую пробуждающей знание греховности и греха: “Но я не иначе узнал грех, как посредством закона. Ибо я не понимал бы и пожелания, если бы закон не говорил: не пожелай. Но грех, взяв повод от заповеди, произвёл во мне всякое пожелание: ибо без закона грех мёртв. Я жил некогда без закона; но когда пришла заповедь, то грех ожил, а я умер; и таким образом заповедь, [данная] для жизни, послужила мне к смерти” (Рим. 7, 7–10). Для одного автора заповедь устанавливает господство разума над страстями (т. е. победу воли над грехом); для другого заповедь даёт греху принципиальную возможность одержать победу» (с. 415).

Анализ данной контроверзы начнём с разбора 4 Макк. 2, 4–6. Для этого приведём перевод этого фрагмента, выполненный Н. В. Брагинской и её коллегами (с. 438), а в первой колонке таблицы для сравнения — оригинальный текст:

<p>⁴ καὶ οὐ μόνον δὲ τὴν τῆς ἡδουπαθείας οἰστρηλασίαν ὁ λογισμὸς ἐπικρατεῖν φαίνεται ἀλλὰ καὶ πάσης ἐπιθυμίας</p>	<p>⁴ И, по-видимому, разум одерживает победу не только над жалом сладострастия, но и над всяким влечением.</p>
<p>⁵ λέγει γοῦν ὁ νόμος οὐκ ἐπιθυμίσεις τὴν γυναῖκα τοῦ πλησίον σου οὐδὲ ὅσα τῷ πλησίον σου ἐστίν</p>	<p>⁵ В самом деле, Закон гласит: «Не пожелай жены ближнего своего, ни того, что есть у ближнего твоего».</p>
<p>⁶ καίτοι ὅτε μὴ ἐπιθυμεῖν εἴρηκεν ἡμᾶς ὁ νόμος πολὺ πλέον πείσαιμι ἂν ὑμᾶς ὅτι τῶν ἐπιθυμιῶν κρατεῖν δύναται ὁ λογισμὸς ὥσπερ καὶ τῶν κωλυτικῶν τῆς δικαιοσύνης παθῶν</p>	<p>⁶ Однако если Закон требует, чтобы мы «не пожелали», то тем легче мне убедить вас, что разум может одерживать верх над влечениями, равно как и над страстями, препятствующими справедливости.</p>

Во-первых, было бы точнее перевести здесь $\acute{o}$ λογισμός как «рассудок», а не «разум», тем более что речь идёт о рассуждении, выборе между добродетелью и пороком. Во-вторых, важно отметить, что в 4 Макк. 2, 4–6 и в Рим. 7, 7–10 говорится о влечении, пожелании ($\epsilon\lambda\theta\upsilon\mu\acute{\iota}\alpha$). При этом в Четвёртой Маккавейской автор, очевидно, опираясь на философское воспевание величия разума, склонен утверждать, что благодаря рассудку мы способны побеждать греховные влечения. Стало быть, для того чтобы быть праведником необходимо лишь знать как надо жить. Поэтому тот, кто изучил Закон, имеет необходимый для благочестивой жизни $\gamma\nu\acute{\omega}\sigma\iota\varsigma$ (знание). Хотя это и несколько перекликается с евангельской максимой — $\alpha\upsilon\tau\eta\ \delta\acute{\epsilon}\ \epsilon\sigma\tau\iota\nu\ \eta\ \alpha\acute{\iota}\omega\nu\iota\omicron\varsigma\ \zeta\omega\eta\ \acute{\iota}\nu\alpha\ \gamma\iota\nu\acute{\omega}\sigma\kappa\omega\sigma\iota\nu\ \sigma\epsilon\ \tau\acute{o}\nu\ \mu\acute{o}\nu\omicron\nu\ \acute{\alpha}\lambda\eta\theta\iota\nu\acute{o}\nu\ \theta\epsilon\acute{o}\nu\ \kappa\alpha\acute{\iota}\ \acute{o}\nu\ \acute{\alpha}\lambda\epsilon\sigma\tau\epsilon\iota\lambda\alpha\varsigma\ \text{Ἰησοῦν Χριστόν}$ «это же и есть вечная жизнь, чтобы знали Тебя, единого истинного Бога и Иисуса Христа, Которого Ты послал» (Ин. 17, 3), — однако само по себе знание, как справедливо замечает апостол Павел, не спасает, поскольку не даёт той необходимой силы, чтобы противостоять греховным влечениям. Закон, таким образом, выступает лишь как смиряющий просветитель, учитель, приводящий к Христу (ср.: Гал. 3, 24 — $\pi\alpha\iota\delta\alpha\gamma\omega\gamma\acute{o}\varsigma\ \eta\mu\acute{o}\nu\ \dots\ \epsilon\iota\varsigma\ \text{Χριστόν}$), поскольку демонстрирует нашу слабость, невозможность исполнять должное. Так что апостол Павел был в этом плане реалистом, объективно оценивающим человеческие способности, в то время как автор 4 Макк. — увлечшимся философскими постулатами теоретиком, не верифицирующим историей свои умозрения. Ведь понятно, что если бы самого знания Торы было достаточно для праведной жизни, то среди евреев не встречались бы грешники, и знающие светские законы никогда бы их не нарушали, потому что им было бы достаточно силы разума. Но это, как неоднократно свидетельствует Библия (достаточно вспомнить о прелюбодейном грехопадении Давида, повлёкшим гибель Урии), явно не так. Наконец, приведём цитату из толкования Рим. 7, 7–8 свт. Кириллом Александрийским, отражающим адекватное понимание роли закона в нравственной жизни ветхозаветного человека:

«И он представляет бессилие нашей природы, состоящее в том, что закон, данный в помощь, нежданно оказался вредоносным, как и свет солнца для тех, которые слабы глазами. Если же он говорит, что **поводом** для пожеланий каким-то образом стала заповедь, то пусть никто не думает, будто он обвиняет закон, но, напротив, что он громко осудил имеющуюся в нас немощь, коль скоро мы побуждались к худшему посредством того, от чего чрез закон нам надлежало воздерживаться. Ведь человеческий разум всегда одержим бездумной склонностью к вожделениям. И когда он исполняет вожделения,

живёт так, как хочет, будучи безмятежен, но когда отсекает их, выдерживает лютейший напор страстей. И никто не вожделеет того, что доступно, но всякий вожделеет того, что запрещено. Поэтому, если закон запретил то, что доставляет вред, у немощных появился повод ещё больше вожделеть этого»⁹.

Таким образом, подводя итог рецензированию, отметим, что труд, посвящённый всестороннему исследованию и переводу четырёх книг Маккавеев, представляется существенным вкладом в изучение библеистики и, главным образом, исторического контекста и литературы периода Второго Храма. При этом стоит ещё раз подчеркнуть, помимо ранее обозначенных положительных качеств работы, что при написании книги авторы попытались учесть все известные исследования источников (при переводе последних использовались доступные им критические издания каждой из книг); благодаря этому мы имеем пространные библиографии по Маккавейским книгам. Также интересными и не всегда бесспорными, как мы уже выяснили, представляются исagogические и богословские вопросы, находящиеся во Введениях, и в Приложениях¹⁰. Так что рецензируемую книгу вполне заслужено можно считать важным достижением отечественной библеистики.

Библиография

- Bible Works 10. Copyright (c) 2015 Bible Works, LLC. Version 10.0.4.114. (Electronic edition).
- Кирилл Александрийский, свят.* Толкование на Послание к Римлянам (из катен) / пер. с греч., предисл. и прим. иеромонаха Феодора (Юлаева) // Библия и христианская древность. 2019. Т. 1. № 1. С. 39–117.
- Книги Маккавеев (τῶν Μακκαβαϊκῶν βιβλοὶ δ΄) / пер. с др.-греч., введ. и комм. Н. В. Брагинской, А. Н. Ковалева, А. И. Шмаиной-Великановой; под общ. ред. Н. В. Брагинской; науч. ред. М. Туваль. М.: Мосты культуры/Гешарим, 2014.
- The Online Liddell-Scott-Jones Greek-English Lexicon. [Электронный ресурс]. URL: <http://stephanus.tlg.uci.edu/ljs/#context=lsj&eid=36500> (дата обращения: 01.08.2019).

Диакон Николай Шаблевский

- 9 *Кирилл Александрийский, свят.* Толкование на Послание к Римлянам (из катен) / пер. с греч., предисл. и прим. иеромонаха Феодора (Юлаева) // Библия и христианская древность. 2019. Т. 1. № 1. С. 68.
- 10 См., например, следующий параграф: «Искушение: богословие жертвы» (Книги Маккавеев (τῶν Μακκαβαϊκῶν βιβλοὶ δ΄). С. 417–419).